

заметить, что за К. Н. Левиным останется заслуга первой публикации в печати некоторых неизданных материалов (главным образом, отрывков из дневников Герцена), проливших новый свет на сердечную историю Герцена. Взвесив все собранные данные и не сходя с установленной точки зрения на герценовскую этику, Левин рисует здесь образ сильного человека,—«язычника», «эллина» и рассказывает душевную драму Герцена, возникшую из его любовных увлечений. Из других глав книги (всех их—десять: 1. Личность; 2. Мораль; 3. Любовь; 4. Философия истории; 5. Педагогические идеи; 6. Политические идеи; 7. Польский вопрос; 8. Славянофильство и западничество; 9. Социализм; 10. Тактика) наиболее значительной следует признать восьмую,—опозиции Герцена между славянофильством и западничеством. Левин борется с установившимся взглядом, что Герцен—западник. Анализом многочисленных и разновременных заявлений Герцена, сопоставлением их с формулами бесспорных славянофилов и западников, Левин устанавливает выразительные черты славянофильские и националистические у Герцена и заостряет свой вывод в полемической формуле: «Герцен был ярким националистом-славянофилом и давно пора перестать называть его западником».

Очень интересна также реконструкция ненависти Герцена к буржуазии—как в ее политических стремлениях и тактике, так и во всем укладе жизни и психики,—все из тех же основ герценовского аристократизма.

Расходясь во многом с общепринятыми взглядами, чуждый преклонения перед Герценом, Левин нередко полемизирует не только с историками, но и с самим Герценом, вернее—вскрывает противоречия, несогласованности в идеологии, мирозерцании Герцена. Но приятно отметить, что автор широк и терпим в своих суждениях и чуток в восприятии достоинств ума и сердца Герцена. Тепло говорит он и о литературном даровании писателя: «Пусть читатель не сетует на обилие цитат. Едкая сатира, уничтожающие сарказмы, бесподобное остроумие, яркие образы, дивные сравнения, неожиданные антитезы А. И. Герцена

должны сами за себя говорить. Порой передача мыслей величайшего стилиста недопустима, ибо она может убить всю красоту и силу выражения его мысли».

Итак, не претендуя на монографическую специализацию, изучений и определений, К. Н. Левин предлагает свою общую оценку и переоценку Герцена. Книга написана легко и ясно и будет с пользой усвоена начинающим читателем. Но и зрелому человеку, даже специалисту по истории русских общественных движений, небесполезно проследить, вместе с Левиным, крупные моменты и этапы развития идеологии Герцена: автор опирался на непосредственное и добросовестное изучение первоисточника—сочинений, дневников и писем Герцена, независим в своих суждениях и обладает даром характеристики и обобщения.

Второе издание книги появляется после первого (1918) через четыре года. За это время, в несколько приемов, было выпущено монументальное издание сочинений и писем Герцена под редакцией М. К. Лемке. В это издание вошли и те отрывки дневников Герцена, которые некогда обнародовал К. Н. Левин в «Голосе Минувшего», и многое другое, впервые публикуемое. Многие теперь Левин мог бы изложить наново и иначе (напр., главу «Любовь»). Но в основном его книга останется непоколебленной новыми документами.

Н. Пиксанов.

А. С. ПУШКИН. Гавриилиада. Поэма. Редакция, примечания и комментарии Б. Томашевского. Труды Пушкинского Дома. Петербург 1922. 112 стр.

За последние годы «Гавриилиада» имела необычайный успех у читателей и издателей. Одно за другим выходили отдельные издания этой поэмы и все не могли насытить любопытства публики. По правде сказать, было много нездорового в этом любопытстве. Но есть и законный, чисто научный интерес к «Гавриилиаде»,—и ему с наибольшей полнотой отвечает издание Б. В. Томашевского. Это целая монография о «Гавриилиаде», и насколько обстоятельств

труд, покажет оглавление книги: 1. От редакции; 2. Поэма (текст); 3. Разночтения списков; 4. История (работ Пушкина над поэмой и научных дискуссий о принадлежности ее Пушкину); 5. Сюжет (начиная с апокрифических евангелий и кончая французской эротикой XVIII века); 6. Композиция; 7. Изложение; 8. Язык; 9. Текст (рукописные списки и приемы редактирования); 10. Издания Гавриилиады; 11. Рукописи; 12. Библиография; 13. Указатель имен.

Как видим, Б. В. Томашевский стремился к исчерпывающей полноте комментария. И сразу следует сказать, что он во многом добился отличных результатов. Не только самый текст поэмы получил яркое освещение, оказались и другие результаты—обще-научного значения. Для самой поэмы ценны, напр., собранные отовсюду воедино известия и даты по истории созидания поэмы. Но наблюдения над языком, композицией, сюжетом, «изложением» имеют и более широкое значение. При скудости у нас подобных изучений, каждый такой опыт приобретает методологический интерес. В своих наблюдениях над литературной историей «Гавриилиады», ее стилем, композицией, Б. В. Томашевский обнаружил много наблюдательности и разнообразных познаний.

Но есть в книге недостатки. Библиография неточна и неполна. Напр., по поводу издания поэмы под редакцией В. Я. Брюсова Томашевский сообщает: «в одной из московских газет того времени появилась обширная рецензия В. Ходасевича». И только! Многие статьи обозначены чересчур кратко, глухо, и часто не знаешь, о чем в них речь. Еще крупнее промахи с текстом. На них подробно останавливался М. А. Цявловский в своем докладе в Пушкинской Комиссии Общ. Люб. Росс. Словесности, и суть дела вот в чем. Томашевский, как новость, печатает поэму по Ефремовскому списку Пушкинского Дома. Но этот список уже издан—самим П. А. Ефремовым, и в довольно значительном количестве экземпляров, и об этом Томашевский почему-то не знал. Другой список «Гавриилиады», не менее авторитетный, из собрания Лонгинова,

хранящийся в Румянцовском Музее и уже известный по упоминанию в печати, не был изучен Томашевским.

Но самое крупное, что можно возразить против текста поэмы, установленного Томашевским, и против системы вариантов, им построенной, и против наблюдений над языком, стихом и стилем, это вот что: в распоряжении исследователя не было автографа Пушкина. Томашевский пишет: «Подлинная рукопись Пушкина, по всем вероятностям, находится в Остафьевском архиве». Это очень глухо сказано, и неизвестно, делал ли автор попытки лично или через Академию Наук или другие учреждения попытки получить автограф и считает ли это раз-на-всегда невозможным. Во всяком случае ясно, что всю энергию надо направить на добывание автографа. Пока его нет в руках, преждевременны и гадательны все тонкости стилистических, метрических, даже композиционных анализов.

Внешность книги удивительно изящна. И как жаль, что не приложено ни одного снимка с автографов Пушкина, связанных с «Гавриилиадой» (один такой снимок см. в «Старине и Новизне», кн. XV).

Н. Пиксанов.

Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Петроград. Издательство М. и С. Сабашниковых. 1922 г.

Книга представляет большой интерес для читателя, интересующегося историко-литературными вопросами.

Очень правильно отмечает Н. Котляревский особенность некрасовской поэзии, как поэзии, не парящей над жизнью, а дающей нам «проникновение в нее и растворение в ней». Надо было «найти красоту и поэзию в ней самой, в ее некрасивой, суровой, грязной и даже преступной внешности». Впрочем, после интересной статьи К. Бальмонта в сборн. «Горные вершины», где как раз ярко формулируется эта же самая мысль, утверждение Н. Котляревского не представляет чего-нибудь нового.

Но вот что любопытно в статье Н. Котляревского. Отмечая совершенно